

ЗЛАТА
ЗОРИЧ

**НАСИЛЬНО
ОТДАННАЯ**
Запретная любовь Шаха

Злата Зорич

**Насильно отданная.
Запретная любовь Шаха**

«Литнет»

2025

Зорич З.

Насильно отданная. Запретная любовь Шаха / З. Зорич —
«Литнет», 2025

— Так какое решение спасет нас? Что нам нужно сделать?— Тебе... Тебе нужно будет кое-что сделать, дочка... Чтобы спасти семью, я вынуждена согласиться на брак. Выйти замуж за жестокого, злобного старика, которому требуется наследник. Но это вовсе не значит, что ему удастся подчинить меня своей воле! Он может запереть меня в золотой клетке, может приставить ко мне охрану, которая будет наблюдать за мною сутками, но я не сдамся. Он не получит от меня ничего, даже если будет ломать. Теперь рядом со мной всегда он. Телохранитель, которого муж приставил следить за каждым моим шагом. Холодный. Молчаливый. Опасный. Я знаю: за одно только прикосновение мы оба поплатимся. Но чем сильнее я пытаюсь убежать от этого чувства, тем крепче оно держит меня в плену. Это история о девушке, которую пытались сломать, и мужчине, для которого она стала единственной слабостью.

© Зорич З., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 7	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	31
Глава 13	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Я сидела на полу гостиной, наблюдая за тем, как моя маленькая сестра пытается построить башню из конструктора. Ей всего пять, и она ещё не понимает, что именно произошло. Рядом на диване сидит мой брат-подросток, спрятав глаза в экран телефона, бездумно листает ленту.

Ещё недавно наш мир казался крепким и надёжным. Незыблемым. Благополучным. Еще недавно наш отец сидел в своем любимом кресле, а теперь там пустота. Пусто навсегда.

В нашем доме поселилась тишина. Вместе с отцом отсюда будто ушла сама жизнь.

Дверь скрипнула, и я подняла голову.

В проёме появилась мать. Она опиралась на руку мужчины, который помогал ей идти.

Я знала его с детства. Он часто приходил в наш дом, сидел с отцом в кабинете до поздней ночи, они курили сигары в саду, спорили о политике и делах. Отец называл его другом, советчиком, человеком слова. Именно он стал опорой для нас в эти ужасные дни. Он помогал с похоронами, распоряжался всеми делами, решал все вопросы.

Мать сняла черную вуаль, и я увидела её лицо. Сердце моё сжалось — мать выглядела так, будто за эти дни постарела лет на десять. Лицо осунулось, кожа побледнела, глаза опухли от бесконечных слёз. Она пыталась держаться, но губы дрожали, и в глазах поселилось отчаяние, которое невозможно было скрыть.

Сестра кинулась к матери с радостным возгласом, но та даже не нагнулась, не обняла её. Только мимолетно погладила по голове так, словно это была чужая девочка.

Мать опустилась на край дивана, мужчина — сел рядом, и эта близость вдруг показалась мне неправильной, чужой. Он сидел так, будто имел на это право, будто уже занял в доме то место, что раньше принадлежало отцу.

— Детям лучше выйти, — тихо сказал мужчина, и мать кивнула.

— Мария, уведи их наверх, — распорядилась она няне, которая как раз проходила мимо дверей.

Сестра закапризничала, не желая прекращать игру, но няня подхватила её на руки и унесла в коридор. Брат хотел было возразить, но взгляд матери заставил его подняться.

Дверь за ними закрылась, и я осталась наедине с матерью и этим человеком.

Я вглядывалась в её лицо, пытаясь найти в нём хоть искорку надежды. Но её не было. Её взгляд был не просто печальным — он был затравленным, и в нём не осталось ни силы, ни привычной строгости. Только усталость и отчаяние.

— Аврора... Нам нужно поговорить, — начала мать хрипло. — Ты уже взрослая девочка... Ты должна знать. Твой отец... он не просто ушёл от нас. Он оставил нам тяжёлое наследство.

Она надолго замолчала. Тишина, воцарившаяся в комнате, становилась всё невыносимее. Тогда заговорил мужчина.

— Ты должны знать правду, — его голос звучал сухо, будто речь шла о повседневных делах. — Твой отец ушёл из жизни, потому что сильно задолжал.

— Задолжал? О чём вы говорите?

— Долги, — прошептала мать. Слёзы снова потекли по её щекам. — Аврора... твой отец должен огромные деньги. Невероятные суммы. Больше, чем мы можем себе даже представить...

— Нет, — я покачала головой. — Этого не может быть. Он... он бы сказал нам.

— Он скрывал. Он не хотел, чтобы вы знали, — снова вмешался в разговор мужчина.

Я не сразу нашла, что сказать. Слово «долги» прозвучало так инородно, словно оно не могло иметь к нам никакого отношения. Мы богаты. Черт возьми, мы всегда были богаты. Сколько я себя помню.

— И сколько же мы должны?.. — осторожно спросила я. — Каков размер долга?

Мать не ответила. За неё снова сказал он:

— Даже если продать дом, все квартиры, все коммерческие помещения, землю и всё, что на ней есть, этого всё равно будет мало.

Я посмотрела на мать, ожидая, что она возразит, но она только заплакала.

— Мы должны отдать всё, Аврора, — прошептала она. — Всё уйдёт...

— Но тогда... где мы будем жить? — я не понимала. Всё рушилось слишком быстро. Ещё неделю назад у меня было все, что я только могла пожелать, а теперь мне пытаются сказать, что у меня ничего нет. Такое принять невозможно.

Мать лишь покачала головой, и это молчание оказалось страшнее любых слов.

— Вы не останетесь на улице, — голос мужчины звучал уверенно, подчеркнуто спокойно. — Я не оставлю вас в беде. Я помогу разобраться. Но моя помощь потребует... непростого решения.

Он замолчал, и пауза была такой долгой, что я почувствовала, как меня охватывает липкий страх.

— Мы должны будем продать дом, — внезапно снова заговорила мама. — Всё это... всё, что ты видишь вокруг себя — исчезнет. Твоему брату придётся уйти из лица, ты тоже не сможешь продолжить учиться... София... я даже не знаю, как я буду её растить одна. Нам уже угрожают, Аврора! Люди, которым твой отец задолжал... они не отступят. Я боюсь за вас. Боюсь, что однажды кто-то придёт за нами и заберёт последнее, что у нас еще есть — нашу жизнь.

Всё внутри меня сжалось в комок. То, что казалось самым страшным — смерть отца, его поступок — оказалось только началом. Мир рушился прямо на моих глазах, а у меня не было никакой защиты, никакой опоры. До этого было только горе, тьма внутри. А теперь к ним прибавилось чувство безысходности.

— Они звонят, пишут, приходят к нам в дом, — продолжала мать, задыхаясь. — Они знают, что он умер, но им всё равно! Им нужны деньги. А у нас их нет! У нас не останется ничего. Ничего, Аврора!

С каждым словом её голос становился тише, но от этого ещё страшнее. Будто она произносила приговор, которому не было апелляции.

Я больше не могла сдерживаться. Горло сжало, и слёзы сами потекли по лицу.

— Так какое решение спасет нас? — вырвалось у меня. Я сама испугалась этой беспомощной ноты. — Что нам нужно сделать?

— Тебе... Тебе нужно будет кое-что сделать...

— Так говори же!

— Тебе будет нелегко принять его, дочка...

Она замолчала, взгляд её скользнул в сторону, на мужчину рядом. Его лицо оставалось спокойным, холодным, почти равнодушным, хотя я видела, что он внимательно следит за каждым нашим движением.

— После смерти твоего отца только он... — мать на секунду закрыла глаза. — Он один остался рядом. Только благодаря ему кредиторы не выгнали нас на улицу еще вчера. И... он готов сделать больше. Он готов взять на себя все долги.

Мать сжала губы, и в её глазах блеснули слёзы. Она медлила, словно надеялась, что кто-то другой скажет это вместо неё. Но тишина давила, и мужчина рядом всё ещё молчал, позволяя ей самой произнести то, что навсегда изменит мою жизнь.

— Он... — мать сглотнула. — Он хочет, чтобы ты стала его женой.

Комната пошатнулась у меня перед глазами.

— Что?

Меня накрыло ощущение какого-то кошмара, из которого я никак не могу проснуться.

Мужчина смотрел прямо на меня — взгляд твёрдый, тяжёлый, такой, от которого хотелось отвернуться.

— Ты должна будешь выйти за меня замуж, — произнёс он ровно, словно говорил о чём-то самом обыденном. — Долги будут закрыты. И твоя семья будет в безопасности.

Мать закрыла лицо руками и заплакала еще громче, но ничего ему не возразила.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Всё, что я знала о жизни, исчезло в одно мгновение.

Глава 2

Я сжала руки в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

— Я не выйду за вас замуж. Никогда.

Он поднял на меня глаза, тяжелые, маслянисто-блестящие.

— Что ты сказала?

— Что слышали! Вы мне в отцы годитесь! Как вам не стыдно?

— Аврора! — резко окрикнула меня мать. — Как ты разговариваешь!

Но я продолжала, в надежде воззвать к его совести:

— Вы — друг моего отца! Что бы он сделал, если бы узнал, что вы предлагаете такое его дочери? Той, которую вы знали с детства!

— Твой отец... — он скривил губы — сказал бы, что я лучший выбор для тебя... Из всех возможных.

— Это ложь! — крикнула я ему в лицо. — Если бы мой отец был жив, он никогда бы не допустил этого позора! Он бы вышвырнул вас за дверь за один только грязный намек!

— Если бы он был жив... — процедил старик сквозь зубы. — Однако он мертв. И я — единственный, кто способен защитить тебя и всю твою семью. Единственный, кто сможет решить ваши проблемы.

— Я ни за что не соглашусь. Я лучше умру!

— Аврора! — снова окрикнула мать.

— Ничего. Это мне даже нравится, — хмыкнул старик. — Огонь в глазах. Главное — вовремя его укротить. Осторожнее, девочка. Я пока терплю твои капризы... Но потом... — он наклонился ближе, и его голос стал угрожающим. Он смотрел на меня, не мигая, и я впервые по-настоящему почувствовала исходящую от него опасность.

И отшатнулась, будто от удара. А мама даже бровью не повела. Еще несколько минут назад рыдавшая и дрожащая, она вдруг выпрямилась.

— Мама... — я обратилась к ней, надеясь на поддержку. — Скажи ему! Ты ведь понимаешь, что это безумие! Он мне в отцы годится. Папа бы никогда...

— Замолчи, — её голос был резким, как удар плётки. — Не смей упоминать отца. Он сделал свой выбор. Он бросил нас. А ты слишком молода и упряма, чтобы понять какую милость оказывает нам друг нашей семьи. Однажды ты поблаговаришь его.

— Никогда!

— Ты же хочешь сохранить тот уровень жизни, к которому привыкла? Наряды, украшения, сумки, машины, прислуга...

— Плевать! Мне ничего не нужно! Я согласна потерять всё, только не свою свободу!

— Ты даже не понимаешь, что говоришь, глупая девчонка! Ты никогда не жила в бедности. А я жила. Я выросла в этом. Я знаю, что это такое — когда нечего есть, когда каждое утро просыпаешься от страха, что нечем заплатить за крышу над головой. Думаешь, в богатстве нет боли? Есть. Но в бедности — только боль!

— Значит, ради страха снова оказаться бедной ты готова продать меня? — мой голос сорвался, и слёзы покатились по щекам.

— Ради того, чтобы ты никогда не узнала, что такое нищета, — холодно сказала она. — Ради твоего брата и сестры. Ради всей нашей семьи. Ты думаешь, это красивый жест — отказаться от всего? Нет, Аврора. Это несусветная глупость, которая обернётся сломанной жизнью.

— Но я не могу быть его женой, мама. Я никогда его не полюблю...

— Любовь, — мать горько усмехнулась. — Я любила твоего отца, Аврора, всей душой. И что вышло? Где он сейчас? А я осталась одна — с детьми, с долгами, с кредиторами, готовыми растерзать нас на куски.

— Мама... — прошептала я, — но ведь он был для тебя всем.

— Вот именно, что был, — жестко оборвала она. — Но ушел, оставил нас одних разбираться со всеми проблемами. Любовь — это красивая сказка, в которую приятно верить. Но сказки не платят за дом, не кормят твоих брата и сестру, не дают охрану, когда тебе угрожают.

Её пальцы дрожали, но голос звучал твердо, будто закаленный разочарованием.

— Ты хочешь прожить мою жизнь? — мать подалась ко мне вперед. — Сначала любовь, трепет, розовые грёзы. А потом холод. Потеря. Пустота. Мужчина, который однажды решает, что ему проще уйти, чем бороться. Хочешь повторить мою судьбу? У тебя есть шанс на лучшее, Аврора, — продолжала она уже мягче, почти умоляюще. — За этим мужчиной ты будешь как за каменной стеной. Да, он старше. Да, он не ангел. Но он... Будет рядом. Нас до сих пор не выкинули на улицу только лишь потому, что он протянул нам руку помощи...

— Достаточно, — внезапно раздался низкий голос старика.

Он всё это время молчал, и я почти забыла о его присутствии. Теперь же он поднялся, и воздух в комнате сразу стал тяжелее.

— Ты упомянула об отце, Аврора, — медленно произнёс он. — Но именно память о нём заставляет меня заботиться о вас. И дело не только в деньгах — на кону ваши жизни, — он сказал это почти ласково, но в его голосе прозвучал металл. — У твоего отца остались враги, которые не оставят вас в покое.

Он наклонился вперед, опершись на трость.

— Я приставлю к вам охрану. Мою правую руку. Того, кому доверяю больше, чем себе самому. Шах! — позвал он. — Подойди сюда!

В комнату вошёл мужчина. Молодой, высокий, с широкими плечами, будто выточенными из камня. Красивый — но эта красота была опасной, почти хищной. А еще — татуировки. Они покрывали его шею и руки, словно живая броня.

Его лицо было непроницаемым. В холодных серых глаза — ни намёка на хоть какие-то эмоции.

— Это Шах, — представил его старик. — Отныне он будет рядом с тобой. Всегда.

Его глаза скользнули по мне, задержались на мгновение. Но в них не было ни интереса, ни теплоты.

— Спасибо вам, — сказала мать тихо. — Теперь я спокойна!

— Нет! — вырвалось у меня. — Не смейте приставлять ко мне своего цепного пса! Ты думаешь, он будет защищать нас, мама? Да никакой он не охранник, он мой надсмотрщик! Он будет следить за каждым моим шагом, докладывать ему обо всём! От кого он меня защитит? От каких-то воображаемых врагов? Нет! Он нужен, чтобы держать меня на цепи, как собаку!

— Аврора! — мать резко встала. — Замолчи!

Но я не могла замолчать. Я чувствовала, как во мне все кипит.

Мужчина не шелохнулся. Будто он уже видел сотню таких вспышек и знал, что все они заканчиваются одинаково.

Я вдруг ясно ощутила, что кричу в пустоту, что мои слова — всего лишь удар о каменную стену, которая даже не дрогнет. Они ничего не изменят в моей судьбе, которую уже решили за меня.

Но остановиться всё равно не могла.

— Я лучше умру, чем позволю вам сделать из меня пленницу!

Я рванула к двери, но тут — он. Стоит, перекрыв мне проход. Скрещенные на груди руки, холодное лицо, на котором нет ни удивления, ни злости, ни жалости.

— Отойди! — я толкнула его изо всех сил обеими руками. С отчаянием, со всей яростью, что во мне копилась.

И в ту же секунду поняла — он не двинулся. Совсем. Словно я ударила не человека, а каменную глыбу. Я резко отдернула руки, словно обожглась, и вылетела из комнаты, едва не сбив дверь с петель.

Сегодня разрушился мой мир — и тут же выстроилась новая золотая клетка.

Глава 3

Я захлопнула дверь своей комнаты и сползла на пол, не включая свет. Всё происходящее казалось каким-то нереальным, будто меня втянули в нелепую пьесу, где роли уже расписаны заранее, а мне остаётся только сопротивляться, заклёбываясь от отчаяния. Я обхватила голову руками, чувствуя, как виски пульсируют, как тошнит от злости и обиды.

Старик с его предложением. Мать, которая, вместо того чтобы встать за меня горой, давит, уговаривает, пугает. И этот... Шах. Мой надзиратель.

Я взяла телефон, лишь бы было чем занять руки, лишь бы выдернуть себя из этого водоворота мыслей. Экран вспыхнул, и на меня сразу же посыпались непрочитанные сообщения.

«Аврора, дорогая, как ты? Сочувствую твоему горю...»
«Сегодня собираемся у Лизы, приезжай, нам хочется тебя поддержать».
«Ты сто лет не показывалась, давай, без тебя плохо».

Я вяло скользнула пальцем по экрану, собираясь закрыть их все. У меня рушится жизнь, меня продают, как вещь... Как можно сейчас веселиться?

Я на автомате набрала:

«Ребят, у меня сейчас, мягко говоря, нет настроения».

И уже хотела убрать телефон, но в ту же секунду вспыхнуло новое сообщение.

«Вот поэтому и нужно прийти. Ты хочешь с ума сойти, сидя одна в своей комнате? Приходи, хоть немного отвлечься».

Как будто от этого можно отвлечься! Как будто разговоры, музыка и вино способны стереть из памяти каменное лицо Шаха, тяжёлый взгляд старика и материнские слёзы.

Я хотела написать резкое «нет», но пальцы дрогнули и замерли над клавиатурой. Может, действительно... выбраться хотя бы на пару часов? Конечно же, не веселья ради, а ради того, чтобы на миг снова почувствовать себя живой, а не пленницей, погребённой в собственном доме. Чтобы хотя бы притвориться, что всё идет как раньше.

Я вяло сопротивлялась — писала: «Я правда, не могу. Не сегодня», но они продолжали уговаривать.

«Приходи, тут все свои. Никто тебя не осудит».
«Забудешься хоть на время. Ты же знаешь — лучше вместе, чем одной».
«Мы тебе реально нужны сейчас. И ты нам тоже».

Каждое новое сообщение било точнее, чем предыдущее, будто они чувствовали, насколько легко меня сейчас дожать.

С одной стороны, я не имела права сейчас веселиться или даже просто идти туда, где весело. Но внутренний голос шептал: *тебе нужно выдохнуть, тебе нужно забыться, хоть на миг. Иначе ты просто сойдёшь с ума.*

Я кусала губы, глядя на экран. Сердце стучало глухо и тревожно, словно знало, что ничего хорошего мое решение не принесёт.

«Ладно. Я подумаю».

Тут же посыпались радостные реакции, а Вадим, мой близкий друг, написал: «Не вздумай сливаться, я лично за тобой сейчас приеду!».

Я подошла к зеркалу, машинально пригладила волосы. Накинула куртку, схватила сумку и вышла в коридор. Гробовая тишина, царящая в доме, резанула по ушам. Я сделала всего лишь пару шагов — и замерла. Прислонившись к стене, в коридоре стоял он. Шах. Тот самый «цепной пёс», которого приставили ко мне, будто я опасный преступник.

Я не была готова к этому столкновению.

Но я сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Сердце билось так сильно, что казалось, он слышит его стук.

— Отойди, — сказала я тихо, но голос прозвучал твёрже, чем я ожидала.

Он не шевельнулся.

Я уже почти дотронулась до ручки двери, когда услышала, наконец, его голос. Низкий, спокойный, но такой, от которого по коже пробежал холодок:

— Ты никуда не пойдёшь.

Эти слова были словно стальная решётка, которую он только что захлопнул у меня перед лицом. Я медленно повернулась — он всё ещё стоял, привалившись к стене, будто не сомневался ни на секунду, что я послушаюсь. Наши взгляды столкнулись, и это было как удар током.

— Не тебе решать, — выдохнула я.

— Ошибаешься. Решать именно мне.

— С ума сошёл? Ты кто вообще такой, чтобы мне указывать? Ты не имеешь права!

— У меня есть приказ. А я привык исполнять приказы.

Я схватилась за ручку двери, рванула ее на себя, но тут же почувствовала, как его ладонь легла сверху — тяжёлая, теплая, и с силой сжала.

— Ты что творишь? — вскрикнула я, отдергивая руку. Эта неожиданная вспышка боли меня шокировала. Никто не смел причинять мне боль. За всю мою жизнь меня никто и пальцем не мог тронуть.

— Спасая тебя от глупостей, — сухо ответил он, не повышая голоса.

— Ты делаешь мне больно!

Я резко обернулась, и наши лица оказались так близко, что я едва не задела его щекой. Он не отступил ни на сантиметр, наоборот, будто специально склонился ниже.

Я толкнула его ладонью в грудь — резко, всем телом, так, что сама чуть не упала назад. Он не шелохнулся. Ещё толчок — сильнее. Ноль реакции. Будто я пыталась подвинуть гранитную глыбу. От этого бессилия у меня в глазах зашипало, я готова была разрыдаться.

И тогда я сорвалась — стала бить его кулаками в грудь, в плечо, куда придётся. Каждый удар отдавался болью в моих пальцах, но я не останавливалась.

— Ты чудовище! — выкрикнула я. — Тюремщик!

Удары мои стали слабеть, силы уходили вместе с отчаянием. Я вдруг поймала себя на том, что стою, прижавшись лбом к его груди, и тяжело дышу. Руки всё ещё судорожно сжаты в кулаки, но они бессильно повисли, не в силах подняться снова.

— Закончила? — наконец тихо спросил он. — Полегчало?

Я резко отшатнулась. Слёзы жгли глаза, но я не хотела, чтобы он их видел.

— Ты... ты даже не представляешь, как я тебя ненавижу! — сказала я глухо.

— Ненавидь сколько влезет. Но ты не выйдешь за этот порог.

Я шагнула назад и, не глядя на него, выдохнула:

— Ладно. Ты победил.

И повернула в сторону своей комнаты.

Пусть думает, что я смирилась. Но я не сдамся. Никогда.

Я обвела взглядом комнату — окно... окно оставалось моим шансом.

В детстве я так спасалась от отцовских наказаний: стоило ему запереть меня, как я вылезала наружу, цепляясь за выступы и карниз, и неслась по двору к подружке. Ни разу не падала. Ни разу не попадалась.

Я схватила телефон и набрала сообщение Вадиму: *«Подъезжай к дому. Срочно. Жду тебя у окна».*

Минуты тянулись вечностью. Я стояла, не отрывая глаз от темноты за стеклом, пока не увидела тусклый свет фар, осторожно сворачивающих к дому.

Я забралась на подоконник, осторожно высунулась наружу. Подо мной — козырёк, узкий, скользкий, но знакомый до боли. Мысль о том, что я сейчас снова сделаю шаг в пустоту, как когда-то в детстве, подстёгивала, а не пугала.

— Ну же... — прошептала я и, не давая себе времени на страх, оттолкнулась от козырька.

Тело ухнуло вниз, и на долю секунды я поверила — у меня получилось. Но падения как будто бы не произошло. Я рухнула в чьи-то крепкие объятия, и удар об землю оказался мягче, чем ожидала.

— Ну что, птичка, — раздался прямо у уха его низкий, спокойный голос. — Вздумала полетать?

Я замерла, даже не осмелившись пошевелиться. Мой проклятый тюремщик. Смотрел на меня сверху вниз — близко, слишком близко, и в глазах его нет ни тени удивления.

Я дёрнулась, попыталась вырваться, но он крепко держал меня.

— Пусти! — сорвалось с губ. Голос дрогнул, но я старалась, чтобы в нём звучала злость, а не страх.

— Пустить? — его губы тронула едва заметная усмешка. — После того, как ты едва не свернула себе шею? Нет, Аврора. Я тебя никуда не пущу.

Я дернулась так резко, что сама не поверила в свою силу. В этом отчаянном рывке были накопленный за все эти страшные дни страх, злость и унижение — и они сделали меня сильнее на одну-единственную секунду. Его пальцы на моей талии разжались, и я, не дожидаясь, пока он снова сомкнёт хватку, рванула в сторону.

Я почти не чувствовала тела — только отчаянный порыв: *успеть, вырваться, сбежать*.

Запрыгнула в распахнутую дверцу машины. Ударилась коленом, но не почувствовала боли.

— Жми на газ! — выкрикнула я. — Быстро!

Ошарашенный Вадим сразу вжал педаль. Машина дёрнулась вперёд, колёса взвизгнули по гравии.

Я вжалась в сиденье. Сквозь дрожь я чувствовала не только облегчение — ещё и его взгляд. Я знала, он стоит там, в темноте, и спокойно смотрит на то, как я ускользаю.

И этот взгляд, прожигающий кожу, обещал: черт с два, я тебе позволю сбежать.

Глава 4

Когда машина уже выехала на главную дорогу, я позволила себе выдохнуть. На мгновение мне показалось, что все обошлось. С плеч будто спала тяжесть. Мне хотелось смеяться и плакать одновременно — я вырвалась. Я все равно победила!

Я прижалась к стеклу, чувствуя, как холод слегка остужает разгорячённые щеки. Никак не удавалось успокоить дрожь в руках.

Вадим бросил на меня взгляд, на секунду оторвавшись от дороги.

— Ты можешь объяснить, что это сейчас было? — в его голосе слышалось недоумение, вперемишку с тревогой. — Что это за тип у твоего дома?

Я открыла рот, но не успела произнести ни слова. В следующую секунду резкий удар сотряс машину. Она дернулась, металл загудел, нас швырнуло вперёд. Я вскрикнула, инстинктивно вцепившись в сиденье.

— Чёрт! — выругался Вадим, удерживая руль. — Это что за... У меня новая тачка! Только что из салона!

Я обернулась. Позади нас, в потоке темноты и редких фонарей, вынырнул силуэт мотоциклиста. Шлем закрывал его лицо, но я узнала.

Шах.

Он ехал за мной. Его свет бил в наши задние стекла, и казалось, что он вот-вот врежется в нас снова, вытеснит с дороги.

— Кто это? — крикнул Вадим, вцепившись в руль. — Что, черт возьми, происходит?

Я не ответила — только сжала губы, не в силах оторвать взгляд от зеркала. Там, в огненном пятне фар, приближался мой тюремщик.

Машина набирала скорость, двигатель ревел, но он не отставал. Он будто был частью этой ночи, частью темноты, которая настигала меня, как бы я ни пыталась спрятаться.

— Ты его знаешь? — Вадим бросил на меня взгляд. — Это за тобой?

Я не смогла ответить. В горле стоял ком. Я смотрела в зеркало, не отрываясь, и каждый раз, когда фары приближались, сердце уходило в пятки. Он снова врезался — удар, скрежет, машину качнуло. Я вскрикнула, а Вадим едва не потерял управление.

— Он нас убьёт! — крикнул он. — Кто он, мать твою?!

Но я знала: он не собирался нас убивать. Он всего лишь хотел остановить нас. Во что бы то ни стало. Он не даст мне уйти. Не позволит. Даже если ради этого ему придётся разбить чужую машину.

Мотоцикл снова прижался к нам, почти скользя боком вдоль машины. Я видела, как его тень мелькает в свете фонарей, как он опасно наклоняется, и в этой фигуре было столько ярости и решимости, что у меня перехватило дыхание. Его железная воля догоняла нас, и я чувствовала, как будто он держит в своих руках не руль, а меня за горло.

— Он псих! — заорал друг, когда Шах врезался боком с такой силой, что машину качнуло и едва не вынесло с дороги. — Он нас угробит к чёртовой матери!

Снова удар. На этот раз еще сильнее. Машину швырнуло к обочине, я закричала. Ещё секунда — и мы бы слетели в кювет.

Мотоцикл вырвался вперёд, обогнал нас и оказался прямо перед нами.

— Господи... — выдохнула я.

Я испугалась. За нас, конечно, но и ... за него?!

Друг ударил по тормозам, пытаясь сбить скорость, уйти в сторону, но Шах петлял перед нами, перекрывая нам дорогу.

— Кто это, твою мать?! — снова заорал Вадим. — Ты скажешь мне или нет?

— Это... это мой охранник, — выдохнула я, чувствуя, что голос дрожит.

— Да какой к чертям охранник?! — вспыхнул друг. — Он чуть не убил нас!

Шах прибавил скорость, выровнял мотоцикл и пошёл на таран.

Я закричала — сама не понимая, от страха или от безысходной ярости. Вадим резко свернул, машина подпрыгнула на кочке, и нас бросило вбок.

Рёв мотоцикла и визг шин слились в один гул, и в следующую секунду железо ударило в железо. Авто дёрнуло вбок, и я ударилась о панель. Мир вокруг взорвался ослепительной болью.

Вадим тоже не удержался — его голова врезалась в руль. Я услышала глухой звук, после которого он застонал, осел, пытаясь выровнять дыхание.

Я подняла глаза — и увидела его. Он приближался. Мотоцикл завалился набок, но он сам двигался уверенно и спокойно, будто и не было секунду назад этой бешеной гонки. Его глаза, холодные и тёмные, были прикованы только ко мне, и в них было то, чего я боялась больше всего: безусловная власть, в которой не оставалось места ни сомнениям, ни чужой воле. Его лицо, освещённое уличными фонарями, казалось каменной маской, а глаза — ледяными, чёрными омутами, в которых отражалась только одна мысль: *ты не уйдёшь*.

И вот — рывок. Дверь машины с силой распахнулась. Он наклонился, и, прежде чем я успела что-то сказать, я снова оказалась в его руках. Его ладони, горячие и сильные, сомкнулись вокруг меня, как стальные тиски. И мне хватило одного мгновения, чтобы ощутить, насколько он непоколебим — словно сама скала, неподвижная и вечная.

— Пусти! — я ударила его кулаком в грудь. — Ты не имеешь права!

Он только сжал меня крепче и рывком вытащил из машины, словно я не весила ничего. Я брыкалась, царапалась, вырывалась, но он держал так, что у меня не оставалось ни единого шанса.

И вдруг он меня отпустил. Просто разжал пальцы, словно я ему больше не нужна, словно всё, что было секунду назад — моя отчаянная попытка сбежать, его жесткое преследование, остановка машины, мой крик, его грубая хватка — ничего не значит.

Я застыла, не веря, что он действительно сделал это. Его пальцы только что впивались в мое запястье, оставляя болезненные следы, словно железные кандалы, и вдруг — раздался звонок, он резко выхватил телефон и отпустил меня. Я осталась стоять на том месте, куда он меня поставил, пытаясь услышать хоть что-то из обрывков его коротких, глухих ответов по телефону.

Я едва дышала, боялась пошевелиться, хотя еще секунду назад изо всех сил дергалась, пыталась вырваться, не замечая ни боли, ни страха.

Он убрал телефон, повернул голову.

— Можешь идти, — сказал он тихо. Разрешение. Даже приказ.

Но я осталась стоять, не в силах сдвинуться с места, словно ноги приросли к асфальту.

— Что?..

— Можешь валить... Куда ты там хотела.

Он уже даже не смотрел на меня — бросил мне в лицо эту фразу и спокойно направился к своему мотоциклу.

Я сделала шаг назад. Еще один. В ожидании, что вот сейчас он снова схватит меня, что он просто играет со мной, как кошка с мышкой.

Но нет. Тяжелая тень его взгляда скользнула по мне на прощание, он сел на мотоцикл и уехал, оставив меня в полнейшей растерянности.

Глава 5

Музыка гремела так, что казалось — стены дрожат. Свет мигал, резал глаза, а я пила, пила, пила, надеясь, что алкоголь смоет всю ту невыносимую смесь злости, отчаяния и какой-то странной пустоты.

Я сидела за столиком, уткнувшись в бокал, а рядом Вадим оживленно рассказывал нашим общим друзьям, как мы попали в аварию из-за того, что какой-то псих, которого я назвала своим охранником, гнался за нами. Он пытался преподнести это как забавный эпизод, шутил и смеялся, несмотря на то, что ему пришлось смывать кровь с лица и застирывать рубашку. Я тоже что-то говорила, поддерживала общую атмосферу веселья, но на самом деле мне было совсем не до него.

Я приехала в клуб не для того, чтобы веселиться. Мне нужно было заглушить шум в голове, заглушить воспоминание о том, как его ладонь впивалась в мою руку, как он выволок меня из машины. О том, как его глаза смотрели на меня, будто пронзая до самого сердца. И о том, как он вдруг... отпустил.

Я залпом допила бокал и жестом позвала официанта. Тело отказывалось напиваться, сознание оставалось чересчур ясным, хотя я уже чувствовала, как качается под ногами пол.

— Аврора, ты тормозни, — шепнул Вадим мне на ухо. — Тебе уже хватит. А то придется тебя на руках нести...

Я посмотрела на него и подумала: *какой он замечательный, какой добрый, хороший... и какой удивительно для меня чужой.*

Музыка ударила по ушам, и я поднялась, пошатываясь.

— Танцевать! — бросила я Вадиму и потащила его в самую гущу людей.

Я хотела раствориться в этом ритме, в чужих прикосновениях, в чужих лицах, но ничего не получалось. Я закрывала глаза — и тут же видела его. Его руки, сжимающие меня. Его глаза.

Я видела его даже там, где его быть не могло. В отблеске огней на зеркальной стене, в силуэте у входа, в татуированных руках какого-то парня, мелькнувшего рядом.

Я мотнула головой, отгоняя эти мысли. Нет. Я не должна сейчас думать о нём.

Чужие руки скользнули по моим плечам, и я резко обернулась. Какой-то незнакомый парень пытался пристроиться ко мне в танце. Я с силой оттолкнула его, и он недовольно отпрянул.

Я вернулась к столику.

— Эй, красотка, ты слишком хороша, чтобы сидеть одна, — бросил мне очередной незнакомец и поставил передо мной коктейль. Я была только рада — теперь, когда у меня совсем нет собственных денег, когда все мои карточки заблокированы, мне остается только гулять за чужой счет.

Я схватила бокал и почти залпом его осушила.

— Ты, кажется, перебарщиваешь, — Вадим тронул меня за руку. Я увидела, что у него нос распух от удара об руль. Мне стало жаль его. Он так пострадал из-за меня...И его новая машина.

— Я в порядке, — улыбнулась ему нарочито радостно. — Просто хочу... развеяться.

Он нахмурился, хотел что-то еще сказать, но я уже встала и снова пошла на танцпол.

Но на этот раз ноги вели себя странно — не слушались, как будто мигмом стали ватными. Перед глазами все поплыло гораздо сильнее. Я осела на пол, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось слишком быстро, дыхание сбивалось, а мысли путались.

"Со мной что-то не так..." — пронеслось в голове.

Но я отмахнулась. Наверное, наконец подействовал алкоголь.

Я оглянулась по сторонам — люди смеялись, танцевали, касались друг друга. Никто не смотрел на меня. Но у меня было отчётливое ощущение, что за мной следят.

Что он где-то здесь.

Шах.

Я даже на секунду поверила, что увижу его в толпе.

Как только я встала, клуб закружил меня в своей бешеной воронке. Тогда стало ясно как день: я уже ничего не контролирую.

Тело не слушалось. Я сжала кулаки, пытаюсь удержаться в реальности, но она проливается, как вода сквозь пальцы.

Мне нужно было срочно выбраться из толпы, в которой я начинала задыхаться. Кожа горела, как в лихорадке, волосы липли к вискам.

— Аврора! — донесся до меня крик Вадима, и я оглянулась. Он пробирался за мной, тоже пошатываясь.

Я почти прорвалась к выходу, я уже чувствовала впереди прохладу ночи, но тут пространство сжалось. Внезапно на меня что-то налетело, сбило с ног.

Я даже вскрикнуть не успела — как асфальт ударил в лицо. Щёку обожгло, будто кожу содрали наждаком, во рту мгновенно появился металлический привкус крови.

Я не понимала, что происходит. Меня прижали к земле, так, что грудь сдавило. Руки грубо выворачивали назад. Боль была такой резкой, что перед глазами на секунду все потемнело. Я кричала, но сама не слышала своего голоса, он растворился в общем шуме, в панике, в чьих-то выкриках.

— Лежать! Руки за голову!

Перед глазами замелькали тени в черных куртках, вспышки фонарей, чужие лица в полумраке клуба. Музыка оборвалась, будто кто-то выключил рубильник.

— Вы же творите...! — успел крикнуть Вадим прежде, чем его тоже уронили рядом со мной.

Я видела, как его прижимают ногами к полу, бьют коленом в спину, как он дергается, выкрикивает что-то нечленораздельное. Его лицо на секунду оказалось прямо напротив моего — перекошенное от боли и ярости, глаза полные ужаса.

Я пыталась сказать кому-то, что я просто хотела уйти, что мне плохо, но слова путались, застревали в горле. В следующую секунду холодный металл сомкнулся на моих запястьях — наручники.

— Это какая-то ошибка! — услышала я крик Вадима, которого волокли к выходу. — Вы за это ответите!

Голос его сорвался, захрипел, когда кто-то ударил его, чтобы он заткнулся.

Меня тоже толкнули вперед, заставляя идти. Ноги не слушались, все плыло. В голове вспыхнула запоздалая мысль: «Коктейль... мне туда что-то подмешали...» — и тут же утонула в панике.

И меня увели в темноту.

Глава 6

Холодный воздух на улице не привел меня в чувство, напротив — вбил последний гвоздь в крышку моей трезвости, и я окончательно поплыла. Меня вели куда-то, грубо дергая, а я уже даже не сопротивлялась.

Еще час назад я сидела за столиком с друзьями, смеялась, пила, а теперь... теперь меня толкают в машину с решетками на окнах. Я пыталась что-то сказать, но во рту пересохло.

— Я ничего не делала! — наконец выдавила я, но в ответ лишь услышала:

— В отделении объяснишь.

Машина рванула с места, и меня швырнуло в сторону. Я ударилась виском о металл и зашипела от боли. Всё происходящее казалось каким-то дурным сном. Но сны не бывают такими реальными — с металлом, который режет кожу на запястьях.

Когда меня втолкнули внутрь участка и посадили на металлический стул, я чуть не завалялась на бок, настолько ватным и ослабленным было тело.

— Фамилия, имя, отчество? — раздался над ухом жёсткий голос.

Я моргнула, пытаюсь сфокусироваться.

Они что-то записывали, щёлкали ручками, переговаривались. Я не понимала, что вообще происходит.

— Вам вменяется хранение, сбыт и распространение запрещенных веществ, — произнёс мужчина в форме, глядя прямо на меня.

— Что? — я вскинулась, но тут же почувствовала, как наручники болезненно дернули запястья. — Нет! Это ошибка! Я... я не... Я даже не знаю, о чем вы говорите!

— У нас есть свидетели, показания и следы запрещенных веществ у вас в организме, — холодно отрезал другой.

Я вспомнила тот последний коктейль — как он сладко обжег горло, когда я почти залпом выпила его. Ухмыляющееся лицо незнакомого парня, когда он протянул мне бокал...

— Я ничего не продавала! — попыталась объяснить я служителям закона. — Вы должны мне поверить! Я жертва, понимаете? Мне что-то добавили в коктейль!

Но они не слушали. Для них я была просто очередной "дилеркой", богатенькой девчонкой, которая решила подзаработать на таблетках.

Я всхлипнула и опустила голову, чувствуя, как наручники впиваются всё глубже.

— Я ничего не делала. Меня подставили...

Собственные слова показались мне жалкими. Мне не верили — это было ясно даже по взгляду, который полицейский бросил на меня. Он и не пытался скрыть скепсис. Только записал что-то в своих бумагах и продолжил, всё тем же бесцветным тоном:

— Где брали? Кто передавал вам вещества?

Я замотала головой, чувствуя, что в любой момент могу расплакаться или потерять сознание. Слёзы стояли в глазах, и я глотала их, чтобы не дать им скатиться по щекам. Я пыталась объяснить, что как только я выпила какой-то странный коктейль, всё и началось, что я даже не понимаю, что вообще со мной случилось.

Меня слушали ровно столько, сколько нужно было, чтобы создать видимость.

Потом в комнату завели Вадима. Он выглядел уже не таким дерзким и уверенным, каким всегда любил казаться, а испуганным, растерянным, словно мальчишка. На щеке у него расплывался свежий синяк, глаза бегали. Он тоже пытался оправдываться, но его почти не слушали, как и меня. Его слова тонули в пустоте.

Я смотрела на свои колени, ободранные об асфальт, и не могла поверить, что это всё действительно происходит со мной. Я знала только одно: всё происходящее — ловушка. И вернуться из неё будет куда сложнее, чем из отчего дома этой ночью.

— Сейчас проведём обыск, — услышала я голос.

У меня не было сил сопротивляться, но сама мысль о том, что меня будут обыскивать, вызывала тошноту.

— Сумку, — коротко бросил один из них, и другой тут же схватил мою маленькую черную сумочку, которая лежала на столе. Я увидела, как он деловито распахивает замок, достает оттуда помаду, зеркальце, пачку жвачки и... Маленький прозрачный зип-пакет. В нем лежали таблетки.

— Это... это не мое! — выдохнула я испуганно.

Они переглянулись между собой с такой снисходительной улыбкой, словно слышали эту фразу тысячу раз. Один из них, высокий, с усталым лицом и морщинами у глаз, кинул пакет на стол.

— А чье? — спокойно спросил он. — Что скажешь, подкинули?

В этот момент Вадим дернулся вперед.

— Это мое! — выкрикнул он. — Это все мое, ясно? Она тут вообще ни при чем!

Но вместо облегчения меня обдало ледяным страхом. Его слова не прозвучали как защита. Они звучали так, будто подтверждали все худшие подозрения. Один из офицеров, тот, что с холодным прищуром, криво усмехнулся:

— Значит, барыжил ты, а она помогала? Значит вместе и отвечать будете.

Я не понимала, что страшнее — перспектива, что они действительно поверят в эту абсурдную версию, или то, что, возможно, Вадим и правда каким-то образом замешан.

Одно я знала точно: он увяз вместе со мной. Неважно, виноват он или нет, для них мы уже были одним целым.

— Нет! — крикнула я. — Вадим тут не при чем, так же, как и я! Вы не имеете права... Мне нужно позвонить матери! Немедленно!

Мне неожиданно безропотно принесли телефон. Когда мама сняла трубку, я заговорила торопливо, сбивчиво: всё вывалила разом — про клуб, про коктейль, про задержание, про таблетки, про Вадима. Я ждала от нее криков, истерики, слез, чего угодно... но только не этого.

— Успокойся, — только и сказала она. Голос её был ровным, будто я позвонила рассказать про двойку в школе.

Я даже прижала трубку сильнее к уху, думая, что ослышалась. Но нет. Она не удивилась. Будто ждала чего-то подобного.

— Мама, — я задыхалась, слова путались, — ты понимаешь, они нашли у меня таблетки, я не знаю откуда, они думают, что я... что я с Вадимом... что я тоже... — я не могла договорить. Горло сдавило, в глазах поплыли слёзы. — Я прошу тебя, сделай что-нибудь!

— Аврора, — наконец сказала она, — я предупреждала тебя, что это всё плохо закончится.

— Мама... пожалуйста... я не знала, я не виновата, я...

— Я понимаю, — перебила она. — Сейчас я пришлю человека. Он знает, что делать. Тебе нужно слушаться его всегда и во всем.

— Какого человека? Кто он? Что он будет делать?

Но мать не объяснила. Она лишь произнесла спокойно:

— Жди, Аврора. Он скоро придет.

И после этих слов она бросила трубку.

Глава 8

Железная дверь захлопнулась за моей спиной, и я осталась одна. Каморка была совсем крошечной: бетонные стены, жесткая кровать и решётчатое окно под потолком, куда почти не проникал дневной свет.

Меня посадили в одиночку.

Я сидела, обхватив колени, и думала: сколько времени прошло? Неделя? Больше? Каждый день мне казался продолжением одного и того же кошмара, от которого невозможно проснуться.

Первое время я ещё пыталась отсчитывать часы по приносимой еде. Но вскоре и это стало бессмысленно: тарелки приносили в разное время, порой слишком рано, порой слишком поздно. Я теряла нить. Сбивалась со счёта. Всё смешалось.

Мне снились кошмары, и я уже не знала, где сон, а где явь. Я просыпалась в холодном поту, думая, что кто-то стоит у двери. Иногда мне казалось, что я слышу голос отца.

Мыслями я снова и снова возвращалась к нему. Он мог быть строгим, даже суровым, заставлял учиться, подолгу ругался за всякие глупости, но я всегда знала, что он хочет для меня самого лучшего. Что он просто меня обожает. Я — его первенец, его маленькая избалованная принцесса.

Я помнила, как он подхватывал меня на руки, когда я была маленькой, и смеясь, кружил по комнате. Помнила его огромные ладони, которыми он трепал меня по голове, будто я все еще ребенок. Помнила его голос — глубокий, уверенный, когда он говорил, что со мной никогда ничего не случится, пока он рядом.

Но его больше не было рядом. Его больше не было вообще. И эта мысль разрывала меня изнутри.

Я начинала бояться, что схожу с ума, что перестану отличать реальность от воспоминаний. Иногда мне казалось, что отец стоит прямо передо мной — грустный, но с мягкой улыбкой — я тянула к нему руки, но пальцы касались лишь воздуха.

Однажды мне вдруг очень ясно привиделось его лицо. Я не сразу поверила — слишком явственно, слишком живо. Строгий, сдержанный, такой, каким я всегда его помнила.

— Папа... — прошептала я, и слёзы сами потекли по щекам. — Как ты мог меня оставить? Как ты мог вот так бросить меня одну?

— Я бы никогда не оставил тебя, детка. Никогда... — сказал он тихо. — Я не делал того, что тебе сказали. Я бы никогда этого не сделал. Меня... Меня убрали.

У меня перехватило дыхание.

— Что?... Что ты сказал? — почти выкрикнула я, но в тот же миг видение растаяло в воздухе камеры, оставив меня один на один с этим невыносимым знанием.

Тут же отворилась тяжелая дверь. Я вздрогнула. Свет из коридора хлынул в камеру, растворяя темноту, в которой я жила все эти дни.

Сначала я даже не могла понять, кто стоит в дверях. Глаза, привыкшие к темноте, резало так, что выступили слёзы, и я зажмурилась, заслоняя лицо ладонью.

Сначала смогла различить лишь силуэт, тёмное пятно на фоне коридорного света. Высокая фигура, знакомые очертания, движения — и сердце болезненно сжалось. Это была моя мама.

— Аврора, — произнесла она хрипло, — упрямая девчонка... Сколько ты еще будешь упираться?

Я молчала.

— Если тебе не жаль сестру и брата, если тебе плевать на мать, — она приблизилась ко мне, — то хотя бы себя пожалей. Тебе что, нравится сидеть в этой дыре, где день за днем ты теряешь рассудок? Ты хочешь, чтобы я похоронила не только твоего отца, но и тебя при жизни?

Она подошла вплотную, заглянула мне в глаза.

— И подумай в конце концов о нас. О брате и сестре, которые пострадают из-за твоего эгоизма. Они ничего плохого не сделали, но они будут расплачиваться за твоё упрямство. Им перекроют все дороги, все возможности... Ты готова похоронить их будущее ради своей гордыни?

Я понимала, что всё это — игра, давление, манипуляция, и всё же слышать это было невыносимо больно. Я вспомнила сестру. Она — ребёнок. Она не должна платить за ошибки взрослых. Или — брат. Вместо будущего — запертые двери и клеймо на всю жизнь.

Мать ударила именно туда, где больно.

Я металась между «устоять» и «сдаться». Между «я сильная» и «я убийца своей семьи». Между жгучим чувством вины и ледяной решимостью.

Если я поддамся — меня больше не будет. Я буду жить, но как оболочка. Буду ходить, говорить, выполнять чьи-то приказы, но Авроры внутри не станет. Я умру не здесь, не в одиночной камере, а там, среди них, со сломанным сердцем и пустыми глазами.

Но если не поддамся... если выдержу — пострадают они. Сестра, брат, мать. Вадим. И это разрывало меня на части.

И это было самое страшное: знать, что моя жизнь связана с их жизнями. Что любое моё решение — это не только я. Это всегда «мы». И потому каждая минута сопротивления стоила мне в сотни раз дороже.

— Здесь тебя будут держать столько, сколько сочтут нужным, — мама резко наклонилась ко мне. — Неделя? Месяц? Год? Сколько ты выдержишь? Они доведут тебя до того, что ты сама будешь умолять об их условиях.

И вдруг я поняла, что единственное, чего я жду — это чтобы она хоть на секундочку прижала меня к себе, как когда-то в детстве, когда я болела или плакала. Я ждала этого прикосновения, слов утешения, хоть крохи любви.

Но мать только выпрямилась и сухо сказала:

— Я сделала все, что могла. Дальше решай сама.

И развернулась к двери.

— Мам, — сорвалось с моих губ. — Не уходи, прошу тебя! Не оставляй меня одну здесь! Пожалуйста!

Она остановилась всего на секунду, но даже не обернулась. Дверь захлопнулась, и невыносимая тишина накрыла меня с новой силой.

Я бросилась к двери, ударила кулаками в холодное железо. Кричала, плакала, умоляла — обещала всё, что угодно, только бы она вернулась, только бы снова заговорила со мной.

Но за дверью было пусто. Лишь глухое молчание и шаги, которые удалялись, пока не растворились совсем.

И в ту же секунду во мне что-то сломалось. Я соскользнула вниз, к стене, осела на грязный пол, прижавшись лбом к холодному бетону.

Я больше не могла держать оборону. Сопротивление, которое столько дней жгло меня изнутри, рассыпалось в миг.

Я плакала и клялась, что однажды сполна отомщу тому, кто разрушил мою жизнь и запер в этой клетке. Я жила этой злостью, я дышала, только лишь потому что она придавала мне сил.

Глава 9

Я сидела перед зеркалом и видела в отражении незнакомую мне девушку. Заплаканная, истощённая, с впалыми щеками, с мутным, потухшим взглядом, в котором больше не было огня. Казалось, что эти недели или месяцы, которые я провела в камере, стерли из меня всё живое, оставив только пустую оболочку.

Та, что глядела на меня из зеркала, уже не могла смеяться, не могла мечтать. Её готовили, как жертвенное животное, омывали, расчёсывали, чтобы отдать под венец.

Мать стояла за моей спиной и неторопливо проводила гребнем по моим волосам. Когда-то в детстве я любила, когда она меня подолгу расчесывала, любуясь моими локонами, но теперь... Она будто расчесывала не меня, а куклу.

— Испортись волосы, — проворчала она. — В тюрьме вода совсем жесткая. И похудела ты. Смотри на себя: кожа да кости!

Я молчала.

Каждый раз, когда зубцы застревали в спутанных волосах, она недовольно цокала.

— Вся красота твоя пропала, — продолжила она причитать. — Волосы испортились, стали как мочало, да ещё и похудела так, что страшно смотреть. И перестань плакать, наконец. Из-за слёз у тебя лицо распухло, глаза покраснели, и красоты твоей как не бывало!

Я подняла взгляд на свое отражение и с равнодушной холодностью спросила:

— А для кого мне теперь быть красивой? Для старика?

Мать нахмурилась, но ничего не сказала. Провела гребнем чуть резче, распутывая пряди.

А я едва слышно, почти шёпотом, спросила:

— Ты можешь рассказать мне, как именно умер отец?

Она сделала вид, что не слышит.

— Мам... — голос дрогнул, но я заставила себя продолжить. — А как... как его нашли? Кто первым его нашёл? Ты? Или кто-то другой?

Мать всё так же молчала, сосредоточенно возясь с моими волосами, будто надеялась, что разговор сам собой сойдёт на нет. Губы сжались в тонкую линию, на лице проступило что-то каменное, чужое.

— Мам, пожалуйста! — я почти взмолилась. — Скажи, как это произошло? Как он... это сделал? Скажи мне, как это было!

Она резко дёрнула расчёску.

— Перестань, Аврора. Ты не понимаешь...

— Я понимаю, что здесь что-то не так! — выкрикнула я. — Папа мне сам сказал, что не делал этого! Он сказал, что его убили! И ты... ты точно знаешь больше, чем говоришь!

— Аврора! — мама испуганно уставилась на меня. — О чем ты вообще говоришь! Ты, кажется, сходишь с ума! Не смей больше об этом спрашивать!

Я смотрела в зеркало на её лицо — холодное, злое, совершенно чужое. И понимала, что в этом доме правды мне уже никогда не скажут.

Вдруг дверь резко распахнулась.

— Что ты здесь делаешь? — вырвалось у меня, когда я увидела на пороге Шаха. — Это моя спальня! Ты не имеете права сюда входить! Мама, скажи ему!

Мать отдёрнула руку, швырнула расчёску на столик так, что та с грохотом ударилась о зеркало, и сразу же вышла.

И я поняла, что, кажется, Шах имеет право делать вообще все.

Он даже не удостоил меня взглядом. Прошёл мимо, поставил у стены ящик с инструментами, достал молоток и длинные металлические полосы.

Я растерянно наблюдала за тем, как он отодвигает занавеску, распахивает створку окна, точно собирается его чинить. Но через секунду до меня дошло: он вовсе не чинить его собирается!

Железо с глухим звоном легло на раму, первый удар молотка разнёсся по комнате.

— Что ты делаешь? — я сорвалась с места. — Остановитесь! Немедленно остановись!

Но Шах молча, методично вгонял гвозди в дерево, закрепляя окно намертво.

Он заколачивал окно, из которого я однажды уже выбралась. Мой единственный выход.

Я сорвалась с места, не выдержав этого глухого звона молотка, этого спокойного и обречённого ритма, с которым он загонял гвозди в дерево, лишая меня воздуха, лишая хоть какой-то надежды. Я кинулась к нему, вцепилась в его руку, пытаюсь остановить.

— Прекрати!

Он повернул голову, встретился со мной взглядом. Ни ярости, ни злости, ни даже раздражения. И в ту же секунду его рука, сильная, неумолимая, сжала мое запястье и мягко, но безоговорочно отодвинула меня от себя.

— Отпусти... — прошептала я, чувствуя, как оседаю под этим взглядом. Он отпустил сразу, без борьбы, и я бессильно рухнула на кровать.

Молоток снова стукнул по металлу, и я закрыла уши ладонями, чтобы не слышать этого звука. Не помогло. Тогда я просто прикрыла лицо ладонями.

— Кто ты вообще такой? — тихо спросила я. — Что же с тобой случилось, что ты стал... таким? Сторожевым псом для мерзавца?

Я помолчала немного, ожидая ответа, но его, конечно, же не последовало.

— Ты же был когда-то нормальным человеком? — продолжила говорить я больше сама с собой. — Ты ведь был мальчиком, у тебя были мечты, ты жил в каком-то доме, у тебя была мать, отец... Что случилось? В какой момент ты все это потерял?

Я всматривалась в его лицо. Камень. Тишина. Только стук молотка и глухое эхо в моём сердце.

— Неужели в тебе совсем ничего не осталось? — мой голос сорвался почти на шёпот. — Ни памяти о себе прежнем, ни жалости, ни... души?

Я понимала, что это бесполезно, что ему всё равно. Что он останется глух к моим словам.

Ну а что еще от него можно ожидать? Сторожевым псам не положено разговаривать.

— Мои родители погибли, — вдруг неожиданно раздался его голос.

— Что?.. — я приподняла голову.

Глава 7

Время будто остановилось. Я ждала, сама не понимая, чего жду. Или кого...

Следователи еще пытались задавать мне какие-то вопросы, но лениво, словно сами понимали бессмысленность этих диалогов.

Навязчивое, тяжёлое ощущение, что мать всё знала заранее, не оставляло меня. Я вспоминала её голос — спокойный, отстранённый, почти деловой. «Сейчас приедет человек. Он знает, что делать».

Почему-то мне казалось, что за мной приедет именно Шах. Внутри поднималось странное чувство — смесь тревоги, страха, ожидания и какого-то болезненного предвкушения. Я почти слышала его шаги.

Наконец дверь распахнулась, и я на секунду задержала дыхание.

Но это был не он. На пороге появился старик с холодным взглядом.

Внутри меня всё рухнуло.

Надо же, Виктор Аркадьевич лично заявился в участок, чтобы забрать меня. Но мне было уже все равно. Хотелось просто уйти отсюда.

— Аврора, — сказал он глухо. — Вот ты где...

Самое странное началось в тот же миг: словно по невидимому сигналу, полицейские один за другим встали, и, не говоря ни слова, просто ушли, будто им здесь больше нечего было делать. Словно их работа уже закончена. Вадима тоже вывели из кабинета.

Комната опустела. Меня оставили один на один с этим человеком. Его тяжёлый взгляд прожигал меня, а улыбка, в которой не было ни капли тепла, заставила кожу покрыться мурашками.

— Ну что, Аврора, — произнёс он, — крепко же ты встряла... И подставила заодно своего дружочка. А ведь я предупреждал, что враги твоего отца не дремлют. Но ты, как всегда, решила играть по своим правилам. Вот и доигралась.

Меня вдруг осенило, будто ударило током: это он. Не какие-то там мифические враги отца, о которых он и мать все время твердили, а именно он — тот, кто всё это устроил.

— Ты хоть понимаешь, во что вляпалась? — он продолжал давить на меня. — Это не игрушки. Это серьезная статья. Тебе светит срок, реальный срок. И не год, не два... А твой дружок? Ему тоже не позавидуешь. Сядете оба.

Я пыталась дышать, но грудь словно стянуло железным обручем.

— Ты ещё так молода, — продолжал он, будто не замечая, как у меня трясутся руки, — но судье на это плевать. Впяют тебе самую вышку.

Я начинала задыхаться от ужаса и бессилия. Слезы обожгли глаза, но я упрямо моргала, не желая давать ему того, чего он добивался.

Он наклонился ближе, коснулся моих волос, ласково погладил.

Я резко дернулась. Мне ужасно захотелось его ударить, но руки у меня все еще были скованы.

Он отстранился и с лёгким вздохом, как будто подытоживая, сказал:

— Но я могу помочь.

Помочь? Я замерла, всхлипывая. Что для меня страшнее: тюрьма или его "помощь"?

Он выдержал паузу, словно смакуя мой надлом.

— Да, — сказал он негромко, — я готов помочь. Ты выйдешь отсюда сегодня же. Но цена... Ты ее знаешь.

Не предложение — приговор. Ловушка, в которую меня загнали.

В этот момент я почему-то вспомнила о матери и, наконец-то, поняла. Они заодно. Он и моя мама.

И сразу всё встало на свои места. Её холодный взгляд, её равнодушие к моим слезам.

Это был тщательно выстроенный план, в котором я была лишь маленькой пешкой, которой жертвуют без колебаний. Мать собиралась продать меня в обмен на деньги и собственное спокойствие.

Это был момент, когда во мне рушилось всё. Последняя тонкая нить надежды обрывалась. Я ведь до последнего — до самого конца — где-то в глубине души всё ещё верила, что мама здесь не при чем. Что её втянули, что она сама не понимает, во что ввязывается. Что, когда она увидит меня здесь, в этих стенах, когда поймёт, что мне грозит — встанет на мою сторону.

Но теперь всё стало ясно. Я была совершенно одна — *одна против всех*. Даже мать была по другую сторону.

Вместе с отчаянием пришла ярость.

— Вы... — прошептала я, едва справляясь с дрожью, — это всё вы устроили. Всё это ваша работа! И мама знала!

Улыбка чуть дрогнула на его губах. Он даже не думал отрицать.

— У полиции достаточно улик, чтобы отправить тебя за решётку лет на десять, а то и пятнадцать, — он говорил медленно, словно смакуя. — И не только тебя. Твой дружок тоже не выйдет сухим из воды. Готова, что из-за тебя пострадает невинный? Его вина лишь в том, что он влюблен в тебя, Аврора.

Я почувствовала, как на спине выступил холодный пот.

— Тюрьма ломает даже самых сильных. Ты не выдержишь. И он тоже.

Он выдержал паузу, словно наслаждаясь моим состоянием, и тихо добавил:

— Есть только один выход. Ты станешь моей женой.

— Никогда! — сорвалось с моих губ. Голос был хриплым, но твёрдым. — Слышите? Никогда!

Его улыбка дрогнула, но не исчезла. Он смотрел на меня с каким-то хищным любопытством, словно изучал загнанное в угол животное, которое вдруг попыталось оскалиться.

— Никогда? — переспросил он насмешливо. — Ты глупая девчонка. Думаешь, что твои крики что-то изменят? Сегодня же тебя увезут в СИЗО, и твой дружок окажется там же. Тогда посмотрим, как ты запоёшь.

Я стиснула зубы и отвернулась, лишь бы не смотреть ему в глаза, полные торжества. Но внутри, под обжигающим страхом, зародилось что-то другое — упрямое, злое чувство, готовность бороться до самого конца, каким бы этот конец ни был.

Глава 10

Он замер. Так и стоял несколько секунд, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, будто решая стоит ли говорить дальше.

— Мои родители погибли, — повторил он так же ровно, почти отрешённо. — Когда я еще был совсем маленьким. И тот, кого ты только что назвала мерзавцем, взял меня на воспитание.

— Взял на воспитание... — глухо повторила я. — То есть заменил тебе семью?

— Он и есть моя семья, — отрезал Шах.

Я внимательно смотрела на его лицо, пытаюсь уловить в нем хоть какой-то намёк на застарелую боль, на сожаление, на злость за украденное детство. Но оно оставалось непроницаемым, спокойным, как будто он рассказывал не свою, а чью-то чужую трагическую историю.

Но в этот момент я почему-то подумала о том, что он не родился хищником. Его таким вырастили.

— А если бы твои родители были живы? — я смотрела прямо на него, на этот холодный, невозмутимый профиль, который будто из камня высекли. — Кем бы ты стал тогда?

Он слегка повернул голову, и я заметила, как по его лицу пробежала едва заметная тень. Потом, правда, снова вернулась маска, но на секунду я всё же увидела трещину.

— Я не знаю, — ответил он после паузы. — Никогда не думал об этом.

— Не знаешь... — повторила я с горькой усмешкой. — Конечно, ты не знаешь. Тебе же не позволяли об этом даже думать. Он вырастил тебя таким, каким хотел...

— Я обязан ему жизнью, — произнёс он глухо. — Он заменил мне отца.

— Нет, — покачала я головой. — Ты обязан жизнью тем, кто её тебе подарил. Твоим настоящим отцу и матери. А он... просто забрал тебя, когда ты был ребёнком. Забрал, чтобы сделать своим оружием.

Я видела, как его пальцы чуть сильнее сжали молоток.

— Ты хоть помнишь их? Лица? Голоса? Хоть что-нибудь? Или он стер из твоей памяти всё, что могло напоминать тебе, что когда-то у тебя была нормальная жизнь?

На этот раз он не ответил. Отвернулся и молча забил последний гвоздь.

Но я все равно поняла, что нащупала то самое место в его сердце, где он все ещё был живым человеком, где что-то внутри него болит. Но тронуть это место было всё равно что сунуть руку в пожар.

— Как они умерли? — тихо спросила я. — Ты сказал — «погибли». Но что это значит? Авария? Болезнь?

Повернувшись, он несколько томительно долгих секунд сверлил меня своим невыносимым взглядом.

— Их убили. И не смей, — хрипло сказал он. — Не смей туда лезть.

— Значит, — я покачала головой. — Мы с тобой оба заложники одного и того же человека. Только разница в том, что я ещё борюсь. А ты давным-давно сдался.

Он шагнул ко мне, и мне показалось, что сейчас он меня ударит, сожмёт в своих железных тисках, заставит замолчать. Но он лишь навис надо мной, тяжело дыша, и тихо сказал:

— Ты ни черта не понимаешь... Наглая, избалованная кукла. Не понимаешь, что он для меня сделал!

— Нет, — прошептала я, не отводя взгляда. — Это ты не понимаешь, что он с тобой сделал!

Он выпрямился, уже собираясь выйти, но на секунду задержался на пороге.

— Если тебе что-то понадобится — я здесь, — хрипло сказал он.

— Здесь? — переспросила я, насторожившись.

Он кивнул в сторону стены.

— За соседней стеной. В соседней комнате.

— Какого черта?

— Чтобы ты снова не натворила глупостей.

— Значит, теперь ты и спать будешь рядом со мной, как тюремщик?

— Если хочешь — называй это так, — он равнодушно пожал плечами. — Но так будет лучше для тебя же.

— К чему эти полумера? Может, тогда сразу на моей кровати устроишься? Или на коврик у моих ног? — процедила я сквозь зубы.

— Это уже будет лишнее. Но если ты хорошо попросишь... — бросил он и, не дожидаясь новых колючих слов от меня, повернулся и вышел. Дверь закрылась, шаги его удалились всего на пару метров — и стихли.

Я замерла, прислушиваясь к тому, что происходит за стеной. Я не могла видеть его, но я чувствовала: он там, за этой тонкой перегородкой, всего в нескольких шагах от моей постели.

От осознания этой близости мне стало еще больше не по себе. С одной стороны — нахлынула злость: меня посадили в клетку и приставили сторожевого пса, лишили права даже дышать свободно. А с другой — смутное, тревожное чувство, которое я пока еще не могла разгадать.

Глава 11

Первые дни я жила, словно в осаде: каждое его движение, каждый взгляд, каждое появление рядом ранило мою гордость, напоминало о том, что я пленница, а он — мой надзиратель. Я пыталась его демонстративно игнорировать, даже не смотреть в его сторону. Злилась, огрызалась, язвила, но с каждым днём привыкала к нему всё сильнее. Эта тень, которую я ненавидела, постепенно перестала казаться мне тенью. Она обрела форму, голос, свои особые черты.

И в какой-то момент я просто смирилась с тем, что ничего не могу с этим поделать.

Мы начали разговаривать — нам приходилось обсуждать какие-то бытовые и организационные вопросы. Иногда я задавала ему вопросы. Он всегда отвечал — честно. А я ловила себя на том, что жду его ответов, хочу слышать его мысли, узнавать больше о нем.

Он ничего не спрашивал у меня, старался держаться отстраненно, но я замечала, как меняется его лицо в моём присутствии: суровые черты смягчаются, в глазах тают вековые льды.

Мы проводили всё время вместе. Не потому, что хотели этого — а потому, что нам приказали. Тогда почему это стало чем-то большим, чем принуждение? Его шаги рядом... Его руки, которых я могла коснуться только в одном случае — когда он помогал мне выйти из машины. Его молчание, в котором я находила странное успокоение.

По ночам мне казалось, что я слышу его дыхание за стеной. Ловила звуки его шагов, запах сигаретного дыма, когда он выходил на балкон. Все это было якорем, который спасал меня от ночных кошмаров.

Подготовка к свадьбе шла полным ходом. И единственное, что еще держало меня на плаву — его близость. Я точно сошла бы с ума или что-нибудь сделала бы с собой, если бы не его постоянное присутствие.

Шах сопровождал меня всюду, куда бы я ни пошла — таков был приказ моего будущего владельца. Даже на встречу с подругами я не могла пойти одна.

Он, разумеется, не сел рядом, а выбрал столик чуть поодаль — но его появление всё равно произвело настоящий фурор среди моих подруг.

— Ого! — первой не выдержала Лена. Чуть ли не присвистнула, глядя на него. — Это кто такой у тебя?

— Мой охранник, — бросила я коротко, погружаясь в изучение меню.

— Твоё личное телохранение? — хмыкнула Даша. — Слушай, Аврора, я не могу... Он реально слишком горячий. Я бы с удовольствием прокатилась на таком жеребце...

— Даже два круга! — добавила Мила, и все засмеялись.

Я почувствовала, как у меня вспыхнули щеки, и попыталась отмахнуться:

— Хватит, перестаньте...

— Слушай, ну он так смотрит, что у меня мурашки, — Лена прищурилась. — Признайся честно... У вас уже было?

— Ты с ним переспала? — Даша спросила прямо в лоб.

— Или хотя бы целовалась? — подхватила Мила, подталкивая меня локтем.

Я уткнулась взглядом в чашку с кофе, пытаюсь скрыть смущение. Сказать правду? «Нет, у меня еще не было такого никогда и ни с кем»? Это означало бы стать объектом непрерывных шуточек, но соврать я не могла.

— Это... Это не ваше дело, — выдавила я наконец.

Подруги переглянулись, и их смех стал ещё громче.

В этот момент Шах поднялся из-за своего стола. Не было никаких сомнений в том, что он услышал каждое слово и сразу понял, какое именно впечатление произвел. Он сказал мне, проходя мимо столика:

— Я отойду ненадолго... Оставляю дам наедине.

Я бросила быстрый взгляд ему вслед и впервые посмотрела на него по-новому. Стыдно признаться, но я взглянула на него глазами моих подруг... Высокий, сильный, молодой, с уверенной осанкой... И эта холодная сдержанность настоящего мужчины, которая сильнее бросалась в глаза на контрасте с нашим глупым смехом.

И правда... он был красив. Настолько, что я вдруг поймала себя на том, что понимаю их шутки. Понимаю, *почему* они так на него реагируют.

— Слушай, ну он наверняка огонь в постели, — выдала Лена, оглядывая его оценивающим взглядом сверху вниз. — Я не эксперт, конечно, но я прямо чувствую... Энергетика, сбивающая с ног. И раздвигающая ноги... Ты только не тормози, подруга, а то такие экземпляры обычно на дороге не валяются...

— Да он же зверь, это сразу видно, — добавила Даша. — Смотри, ещё уведу!

— Ну ладно, раз тебе всё равно, — Лена хитро сощурилась, вытаскивая из сумки телефон. — Дай мне его номер. Я напишу... Скажу, что мне тоже требуется охрана...

— Правда, не жадничай, — добавила Даша. — Если он просто охранник — какая разница, кто из нас будет с ним гулять?

— Слушай, Аврора, ну реально, отдай его мне, — Лена снова ткнула меня локтем. — Я бы с таким неделю из дома не выходила...

— Так, я первая заняла!

— Хватит! — я резко оборвала неприятные мне разговоры. — Никакого номера я не собираюсь вам давать.

Подруги с недоумением уставились на меня, а потом разразились смехом.

— Смотри-ка, — хмыкнула Мила. — Говорит, что ей всё равно... А сама как наседка... Не желает делиться!

Щеки у меня горели. Мне хотелось сказать им: «Мне действительно на него всё равно, если хотите взять — берите», но язык не поворачивался.

Потому что на самом деле мне не было всё равно.

Быстренько свернув девичьи посиделки, я вышла на улицу. Воздух после душного кафе показался особенно свежим. Шах стоял у двери и курил, опираясь на стену.

— Пойдем? — я кивнула в сторону машины, и он сразу же отбросил сигарету шелчком.

Я шла рядом, стараясь даже на него не смотреть — слова подруг никак не выходили из головы.

— Знаешь, — сказала я как будто между прочим, — а они на тебя запали... Прямо глаза загорелись. Хочешь, дам им твой номер?

— Не стоит, — коротко бросил он.

— Боишься, что подерутся из-за тебя? — я хмыкнула и, не получив никакого ответа, спросила осторожно: — Или у тебя уже есть кто-то, кто будет против? Девушка...? Жена...?

Его взгляд скользнул по мне.

— Ты всегда такая любопытная?

— А что? Я просто хочу убедиться, что мои подруги не зря строят на тебя планы...

— Скажи им, чтобы никаких планов на меня не строили.

— Значит, у тебя кто-то есть...

Даже я уловила в своем собственном голосе явное разочарование.

Конечно же, его заметил и Шах.

— У меня никого нет, но... — сказал он, бросив на меня искоса взгляд. — Но пусть на меня все равно не рассчитывают. Для них я — занят.

Я выдохнула, едва не выпалив следующий вопрос — а есть ли кто-то, для кого ты свободен?

Но я сумела вовремя сдержаться, прикусила язык. Может, потому что уже тогда догадывалась, каким может быть его ответ?

Глава 12

С каждым днём над моей головой все сильнее сгущались тучи. День свадьбы приближался неумолимо — эта чёрная дата в календаре. И ничего нельзя было изменить.

Из уважения к памяти отца решили не играть свадьбу сразу после того, как в доме случились похороны. Кроме того, мне позволили остаться дома до самого дня обряда. Но я прекрасно знала, что скрывается за этой мнимой снисходительностью. Старик лишь ждал момента, когда сможет окончательно затянуть на моей шее петлю.

Каждое утро я просыпалась с одной мыслью: *должен быть способ*. Мучительно перебирала в голове всё, что могла бы предпринять. Убежать? Но куда? Шах следовал за мной, словно тень. Попросить помощи? Но кому я нужна? И кто сможет тягаться с могуществом старика? Вадим уже пытался мне помочь и этим едва себя не загубил. Мать смотрела на меня холодно и даже не пыталась скрывать — моя судьба её полностью устраивала.

Но я все равно все время думала о том, чтобы сбежать — однажды ночью, когда Шах заснёт. Но иногда мне казалось, что он вообще не спит или спит очень чутко — я всегда чувствовала его незримое присутствие. Мне казалось, что стоит мне сделать шаг в сторону — и он снова окажется рядом, схватит меня, остановит.

Свадьба надвигалась, и я знала: если не получится найти выход, то я просто не вынесу всего того, что последует за ней. Но где искать этот выход? И существует ли он вообще?

Днём я ещё как-то пыталась держаться. Днём легче обманывать себя: отвлекаться на мелкие дела, на бесконечные приготовления к свадьбе, на слова матери, на пустые разговоры, на выбор ткани, нарядов, украшений. Я покорно примеряла свадебные платья, позволяла матери ухаживать за моими волосами, и казалось, что всё это можно вынести, если я и вправду превращусь в послушную куклу.

Но ночи... ночи были адом. Когда дом проваливался в темноту, вся горечь моей доли обрушивалась на меня. Каждую ночь я лежала, уткнувшись лицом в подушку, и плакала, стараясь не всхлипывать слишком громко, чтобы никто не услышал. Я не могла уснуть. Бессонница крепко держала меня за горло.

В те редкие ночи, когда заснуть мне все-таки удавалось, приходили сны. Вернее, кошмары. Отец снова являлся мне. Его родное и любимое лицо было мрачным, искажённым страданием. Он смотрел на меня, и в этом взгляде было слишком много боли.

— Я бы никогда тебя не оставил... Ты должна это знать... — твердил он.

— Но все говорят... Все говорят, что ты сам...

— Он. Он меня погубил...

Я хотела спросить *кто он*, кто этот человек, но вокруг него вдруг становилось темнее, будто сама тьма затягивала его, и он исчезал. Я звала его, рвалась к нему, а потом просыпалась с криком в холодном поту.

И в этот раз я тоже очнулась от собственного крика. Грудь сжимала такая боль, что я почти не могла дышать. Я рыдала, захлёбывалась слезами, била руками по подушке, будто так могла прогнать кошмар, что душил меня изнутри.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежал Шах. Я не увидела этого, но почувствовала — как чьи-то сильные руки подхватили меня, прижали к себе. Я узнала его тепло, его силу, его запах. А потом и его голос.

— Аврора... тише... это сон, всего лишь сон, — его голос звучал низко, хрипло, но в нём было странное, непривычное тепло. — Это всего лишь сон, тебе просто нужно проснуться...

Ах, если бы все было так просто! Но в моем случае я, проснувшись, просто переходила в другой кошмар — моя жизнь наяву и была кошмаром.

Я уткнулась лицом в его грудь, теперь уже мокрую от моих слёз. Казалось, что внутри меня прорвало плотину, и все страдания, которые я копила ночами, вдруг выливались разом. Я судорожно хваталась за его футболку, будто боялась, что, если отпущу — снова останусь одна. И просто не переживу этого одиночества.

— Его... убили... — прошептала я, захлёбываясь слезами. — Папу... он сам сказал мне... сам сказал...

Шах замер, крепче сжал меня в объятиях. Его рука неуверенно скользнула по моим волосам. Очевидно, что он не знал, как правильно утешать, но, кажется, очень старался меня утешить.

— Это был сон, — повторил он мягче, — просто сон.

— Нет, не сон, но вы мне не верите, — всхлипнула я. — Никто не верит!

— Я верю тебе, — сказал вдруг Шах неожиданно серьезно. — Я верю в том, что наши близкие могут так пытаться нам что-то сказать или о чем-то предупредить. Поэтому я тебе верю...

Я подняла на него глаза, распухшие, красные от слёз, и увидела в его взгляде то, чего никогда прежде не замечала. Там было сочувствие. Там была теплота. Там была... Нежность?

И почему-то это окончательно меня добило.

Я снова закрыла лицо руками и разрыдалась. А он сидел рядом и крепко обнимал, позволяя выплакать всё, что рвалось наружу.

Когда я рассказала матери о своем сне, она кричала на меня, называла меня сумасшедшей. А этот, в общем-то, холодный и равнодушный мужчина сказал, что верит мне. Попытался утешить...

Постепенно мои рыдания стихали — у меня просто закончились силы, чтобы рыдать. Слёзы всё равно текли, слипались с волосами. Я лежала у него на руках, прижимаясь щекой к его футболке, чувствуя неровное биение чужого сердца.

Он не отталкивал меня. Не пытался стряхнуть. Не пытался уйти. Просто был рядом и готов был быть столько, сколько понадобится. Именно тот, кого я считала своим надзирателем, тюремщиком, врагом, тем, кто запирает мои окна и дышал мне в спину — вдруг становился единственным, кто удерживал меня от окончательного падения в пустоту.

Вдруг мне в голову пришла неожиданная мысль, от которой по коже побежали мурашки. Может быть, именно он сможет помочь мне? Не мать, холодная и жестокая, готовая продать меня ради своей выгоды. Не друзья и подруги, которые даже не понимают, что моя жизнь скоро превратится в ад. А Шах...

Если я решусь на побег, то единственный, кто реально сможет мне помочь — это он. Он знал, как выбраться, как скрыться. Он смог бы меня защитить. Он был той силой, которой мне так не хватало.

Да, он служит тем, кто уничтожает меня, он — орудие в руках мерзавца, и верить ему нельзя. Но с другой стороны... Его ладонь сейчас гладит меня по волосам, руки прижимают к груди, а глаза... Глаза полны сочувствия.

— Как тебя зовут? — еле слышно спросила я.

— Что?

— Как тебя зовут? Имя? — я оторвалась от его груди, подняла голову, посмотрела ему прямо в глаза. — Скажи мне свое имя. Не могли же родители назвать тебя просто «Шах»?

Он молчал так долго, что я уже потеряла всякую надежду на то, что мне удастся услышать ответ.

— Артур, — наконец тихо произнёс он. — Артур Шахов... Уже очень давно никто не спрашивал моего настоящего имени. Только ты...

Я невольно повторила про себя, словно пробуя на вкус: *Артур...*

— Красиво, — прошептала я, прикрывая глаза. — Подругам понравится...

Он чуть усмехнулся и неожиданно крепче прижал меня к себе. Эти объятия... В них уже не было никакой необходимости. Я уже давно успокоилась, не рыдала, не кричала. Он легко мог бы встать и уйти к себе в комнату, убедившись, что я пришла в себя.

Но он остался. Продолжил гладить меня по волосам.

А я лежала, закрыв глаза, на его груди, и представляла, как могла бы попросить его. Как могла бы сказать: «Артур, помоги мне... я не выдержу». И как бы он молча поднялся, взял меня за руку и вывел из этого дома, вывез далеко, туда, где никто и никогда нас не найдет. Я уже видела эту картину слишком отчётливо, будто это были не просто мои мечты, а реальность, которая действительно могла случиться.

И с этой мыслью, что именно он — мой единственный шанс на спасение, я и уснула, зажатая в его руках, с мокрым от слёз лицом.

Глава 13

Утром морок рассеялся, и я поняла, что мои ночные надежды были напрасны. Шах не сделает этого. Не потому, что ему меня не жаль — немного жаль, наверное, а потому что у него был долг, который гораздо важнее. Его мир держался на верности человеку, которого я ненавидела. Мы оба были пленниками — только он носил свои цепи покорно, а я — из всех сил пыталась их сбросить.

Но я уже не могла перестать думать об этом. Это стало навязчивой идеей: если кто-то и способен мне помочь — это будет именно он. Шах стал для меня не просто надзирателем. Он стал человеком, от которого зависела моя судьба.

Я искала в его лице ответы. Каждый раз, когда он был рядом, я ловила себя на том, что представляю — а если бы я сейчас подошла ещё ближе? Что мелькнуло бы в его глазах? Смотрела на его профиль, на татуировки, видневшиеся под воротом футболки, и думала: а что, если я всё-таки рискну рассказать ему о своём плане?

Впрочем, никакого плана у меня ещё не было. Были только ночные слёзы, отчаяние и надежда на то, что он — мой единственный шанс. Но я тут же пугалась собственных мыслей. Потому что довериться ему — значило поставить свою жизнь в зависимость от его выбора. И если я ошибусь... если он выдаст меня... тогда у меня уже не останется ни малейшего шанса.

Но с каждым днём я всё яснее убеждалась в том, что вокруг меня — непрошибаемая стена. И единственная трещина в ней — он. Артур Шахов.

Мне придется его... Соблазнить. Само слово будто обжигало. Но чем ближе становилась свадьба, тем явственнее я понимала: честь и гордость — роскошь для свободных. У меня их давно отняли.

Я представляла, как однажды он снова войдёт в мою комнату ночью, и на этот раз я коснусь его так, что его дыхание сойдётся. Если он позволил мне рыдать у себя на груди, может, он позволит мне гораздо больше? И после этого он перестанет видеть во мне долг, а увидит просто девушку? И может это сломает его верность тому, кто держит нас обоих в клетке?

Я выбрала время, когда дом уже затих. Долго ходила из угла в угол, собирая в кулак смелость. Всё внутри протестовало — так непривычно было самой соблазнять кого-то. У меня еще не было такого опыта. Ни разу в жизни не было необходимости кого-то соблазнять, ведь это за мной всегда бегали, добивались, а мне оставалось только лениво перебирать. А теперь... теперь все иначе.

Я оставила на себе только кружевное нижнее бельё и обернулась простынёй. Встала у окна, где лунный свет рисовал серебряные полосы на полу, прислушиваясь к каждому звуку за стеной. Во мне метались стыд, страх и странная решимость.

Наконец, раздалися шаги — тяжелые, уверенные. Он шел, чтобы перед сном проверить, всё ли у меня хорошо.

Дверь скрипнула — и он вошёл.

Я развернулась к нему и, прежде чем успела передумать, выпустила простыню из рук. Она соскользнула на пол мягким облаком, а я осталась в этом лунном свете, обнажённая.

Он замер в проёме, глаза его расширились.

— Аврора... — он произнёс моё имя с каким-то странным изумлением, будто не верил, что действительно видит меня такой.

Я заставила себя выдержать его взгляд. Щёки горели, ладони дрожали, но всё внутри меня кричало: *смотри же, смотри на меня!*...

Взгляд его метался — в сторону от меня, потом обратно. Борьба, которая отразилась на его лице, была нешуточной.

— Что ты делаешь... — процедил он сквозь зубы.

Я ждала, сама не зная, чего жду: жалости, гнева, шага навстречу? Я будто прыгнула в пропасть, и теперь все зависело от того, что сделает Шах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.